

Тетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 2 2022]

Империя и мы

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадковский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, М.М. Шевченко, А.А. Ширинянец, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – №2. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2022. – 344 с.

Представляемый номер продолжает серию выпусков, посвященных имперской тематике в целом и Российской Империи в частности, приуроченных к 300-летию обретения Россией официального имперского статуса. На сей раз мы фокусируем внимание читателей на двух аспектах. Первый – проблемный блок, то есть вопросы, создававшие внутреннее напряжение Российской Империи и сыгравшие, видимо, свою роль в ее крушении. Второй – ренессанс имперскости, по крайней мере в качестве идеи и некоторых ожиданий, которые мы регулярно наблюдаем на нашем евразийском пространстве как после революции 1917 года, так и в настоящее время. Противоречивые тенденции между объективной потребностью интеграции в той или иной форме пространства бывшей Российской Империи и СССР, с одной стороны, и процессом возникновения новых идентичностей – с другой являются нервом напряжения евразийского пространства, а также запросом на активную роль России в этих процессах..

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2022
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2022

Черносотенная контрреволюция: политическое насилие, погромы, террор и ответственность за них русских монархических партий*

С момента возникновения крайне правых партий политические противники упорно насаждали представление о них как о погромщиках и виновниках черносотенного террора. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, возводя «родословную» понятия к московским охотнорядцам, поколотившим в 1878 году революционно настроенных студентов Московского университета, характеризовал черную сотню как «ходячее название, которое в последние годы стало применяться к подонкам населения, склонным к еврейским погромам и избиениям интеллигенции», также отмечая, что этот термин применим и к «тем лицам из интеллигенции и бюрократии, которые организуют или поощряют подобные эксцессы» [109, с. 869]. О «черносотенных погромах» неоднократно писал В.И. Ленин, заявляя, что правые ведут борьбу исключительно «за привилегии камарильи, за возможность по-прежнему грабить, насильничать и затыкать рот всей России», что черносотенцы могут лишь «жечь, убивать, громить» [50, с. 26, 193]. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков с думской трибуны характеризовал Союз русского народа (СРН) как «союз убийц и погромщиков» [23, стб. 2520], а кадетская «Речь» называла правые партии «монархистами-террористами» [93]. Жандармский генерал А.В. Герасимов именовал черносотенцев «террористами справа» [14, с. 149]. С.Ю. Витте называл их «хулиганами самого низкого разряда» и «убийцами из-за угла» [34, с. 236–237].

Подобные характеристики правых партий регулярно встречались в социалистической и леволиберальной прессе, оттуда переключались в советскую историографию, а затем отчасти и в российскую [63, 55]. Даже в новейшем издании вузовского учебника для студентов-историков можно прочесть о том, что методами борьбы правых партий были «избиения демонстрантов, погромы, убийства из-за угла» [106, с. 238]. Однако выявленные исследователями правого движения за последние два десятилетия факты, введение в научный оборот ранее не использовавшихся источников, заставляет существенно скорректировать шаблонное восприятие этой сложной проблемы. Последовательно рассмотрим каждый из перечисленных пунктов обвинения в адрес правых партий и союзов и постараемся отделить факты от мифов.

Погромы

Не вдаваясь в многовековую историю непростых взаимоотношений христианских народов Европы с иудеями, напомним, что погромы имели место едва ли не во всех странах, в которых оседали евреи. В средние века они массово изгонялись из Англии, Фран-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00105.

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

ции, Испании, германских и итальянских земель, с Балканского полуострова. Изгнанные из Западной Европы, евреи нашли прибежище в Польше, где в большинстве своем стали посредниками между шляхтой и крепостными крестьянами, сосредоточив в своих руках торговлю и доходные ремесла. После разделов в конце XVIII века Речи Посполитой и присоединения к Российской империи белорусских и украинских земель, в состав российских народов вошли и массово расселившиеся на этих землях евреи.

Первые по времени еврейские погромы в Российской империи произошли в Одессе в 1821, 1859 и 1871 годах, а также в 1862 году в бессарабском Аккермане, но они, как отмечает «Еврейская энциклопедия», имели случайный характер и были вызваны «недружелюбием к евреям со стороны местного греческого населения» [113, с. 611]. Массовый характер погромы в России приобрели лишь с 1881 года – после убийства императора Александра II. Вспыхнув в пасхальные дни в ночь с 15 на 16 апреля в Елисаветграде из-за ложных слухов о некоем царском указе, разрешавшем насилие над евреями [16, с. 217], волна погромов продолжалась до 1884 года, затронув более 150 населенных пунктов империи.

При этом важно отметить, что русские консерваторы – например, К.П. Победоносцев и М.Н. Катков – погромы осуждали [107, с. 114; 44, с. 57], так как справедливо видели в них проявление революционного духа, самосуда и неповиновения законам. И если одни обвиняли в подстрекательстве к погромам консервативную печать, допускавшую антисемитские выпады, то другие указывали на то, что в подготовке погромов непосредственное участие принимали левые радикалы – «отдельные члены партии Народной воли, считавшие погромы соответствующими видами революционного движения», поскольку предполагалось, что «еврейские погромы приучат народ к революционным выступлениям, что движение, которое легче всего было направить против евреев, в своем дальнейшем развитии обрушится на дворян и чиновников» [16, с. 218]. На это же указывал М.Н. Катков, отмечавший, что в одной из революционных прокламаций 1881 года, «писанной по-хохлацки» и призывающей вытребовать конституцию и отнять у панов землю, также содержался призыв «бить жидов», от которых «горше всего терпеть люди на Украины» и выражалась надежда на то, что начатый с погрома эксплуататоров-евреев народный бунт перекинется и на русских помещиков [41]. В подтверждение этого тезиса укажем на одну из прокламаций, в которой видная народница Е.К. Брешко-Брешковская, призывала крестьян нападать на «жилища купцов, помещиков и жидов и разорять их до основания, поганых же злодеев вешать и резать, а имущество их награбленное делить поровну между собою» [32, с. 60].

Таким образом, еврейские погромы случались задолго до возникновения черносотенных союзов, не имели единого организационного центра [16, с. 218], носили стихийный характер и имели под собой не столько политическую, национальную и религиозную подоплеку, сколько экономическую (в большинстве местностей, где происходили погромы, христианское население считало евреев виновниками своей бедности и рассматривало их как чужеродную силу, установившую экономическое господство). Натравливание же населения на евреев могло происходить не только с подачи консервативно настроенных сил, но и левых агитаторов.

В царствование императора Николая II первым кровавым погромом, вызвавшим большой общественный резонанс, стал погром в Кишиневе 6–7 апреля 1903 года. Поводом к нему стало убийство православного подростка, которое правая газета «Бессарабец», издававшаяся будущим видным членом СРН П.А. Крушеваном, представляла как ритуальное преступление, совершенное иудеями. Начавшийся в первый день православной Пасхи, погром унес жизни от 42 до 49 чел., от 456 до 586 было ранено, разгромлено множество домов. Ожесточенный характер погром приобрел после того, как евреи организовали самооборону и начали стрельбу по погромщикам.

Однако ставить кишиневский погром в вину русским правым партиям и союзам было бы ошибочно. Во-первых, таковых еще попросту не существовало, за исключением элитарного культурно-просветительского Русского собрания, не имевшего к кишиневским событиям никакого отношения. Во-вторых, молдавский помещик П.А. Крушеван, допустивший публикации, отчасти спровоцировавшие погром, не был его организатором и не представлял никакой русской правой организации. В-третьих, погром в Кишиневе вызвал неприятие и осуждение у таких будущих духовных лидеров СРН как протоиерей Иоанн (Кронштадтский) и митрополит Антоний (Храповицкий) [92]. Негативно оценивая иудаизм как религиозное учение, видные представители русского православного духовенства решительно выступили против насилия над евреями, однозначно осуждая подобные действия как греховные, недопустимые для христиан и являющиеся проявлениями ложно понятого национализма.

Массовая волна погромов (около 700) в течение двух недель прокатилась по России после опубликования в 1905 году Манифеста 17 октября, даровавшего народам империи ряд гражданских свобод. Революционными радикалами манифест был воспринят как слабость власти и сигнал к последнему штурму пошедшего на уступки самодержавия, что привело к усилению волны манифестаций, антимонархических выступлений и открытым призывам к вооруженному восстанию. Как отмечает исследователь томского погрома М.В. Шиловский, «Манифест 17 октября де-юре санкционировал разгул митинговой стихии. Радикалы и либералы открыто заговорили о взятии власти в свои руки» [110, с. 34]. Газеты стали выходить без цензуры, широко распространились прокламации с самыми радикальными призывами, в ряде населенных пунктов революционные силы приступили к формированию автономной вооруженной милиции, коалиционные комитеты заявляли о переходе власти в их руки. С другой стороны, уставшие от смуты обыватели, желавшие восстановления законности и порядка, увидели в манифесте удовлетворение чаемых обществом надежд, а потому восприняли действия левых радикалов крайне враждебно, что выразилось в ряде уличных столкновений. При этом в обществе в ходе революции резко выросли антисемитские настроения, что было связано с активным участием евреев в антимонархическом движении, нередко сопровождавшимся оскорблением национальных и религиозных чувств православного населения.

Показательно в этом плане письмо Николая II своей матери от 27 октября 1905 года: «В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли голову, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла. Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмущился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них жида, то вся злость обрушилась на них – отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким *единодушием сразу* это случилось во всех городах России и Сибири. <...> Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям» [73, с. 156]. Таким образом, толчком для волны погромов стали на этот раз политические события. Экономический, религиозный и национальный факторы тоже играли немаловажную роль, как и чисто корыстный момент – возможность поживиться еврейским имуществом, но без катализатора, которым стала резко возросшая активность либеральных и революционных сил, накопившиеся во взаимоотношениях христианского и иудейского населения проблемы едва ли выплеснулись бы в погромы.

В ответ на революционные выступления началась самоорганизация монархически настроенных сил, ответивших крестными ходами и патриотическими манифестациями; навстречу демонстрациям с красными знаменами выдвинулись шествия с иконами, хоругвями, царскими портретами и национальными флагами. В ситуации, когда власть на местах растерялась, не знала, как действовать в условиях провозглашенных манифестом свобод, или же сознательно самоустранилась, начались неизбежные эксцессы граждан-

ского противостояния, сопровождавшиеся актами грубого насилия с обеих сторон. По словам современника событий, началась «октябрьская черносотенная контрреволюция», захватившая «сотни городов и местечек в самых различных концах России» [53, с. 103]. И погромы, включая еврейские, стали неотъемлемой составляющей этих процессов. Как отмечает С.А. Степанов, «октябрьские погромы представляли собой массовые выступления под монархическими лозунгами, направленные против демократических сил и евреев, которых огульно зачисляли в пособников революции. В ряде случаев погромы носили характер социального протеста, выраженного в извращенной форме и сопровождавшегося проявлениями национальной и религиозной вражды» [99, с. 86]. Представляется, что прав был С.С. Ольденбург, рассматривавший насилие этих дней именно как «бурную вспышку гражданской войны» [68, с. 318].

Не останавливаясь на рассмотрении самих погромов октября 1905 года, приведших к многочисленным жертвам (причем людей разных национальностей, а не только евреев, поскольку, во-первых, далеко не во всех местностях погромы носили антисемитский характер¹, а во-вторых, в этих эксцессах от действий отрядов самообороны и правительственных войск нередко гибли и сами погромщики)², и вопроса об ответственности за них властей³, рассмотрим проблему причастности к этим кровавым актам правых партий и организаций.

Поскольку контрреволюционная народная стихия, выступившая осенью 1905 года, практически сразу же получила от противников наименование черной сотни, а впоследствии этот собирательный термин стал использоваться для обозначения совокупности крайне правых партий, нередко возникает терминологическая путаница. Говоря о черносотенцах, некоторые свидетели эпохи и авторы исторических сочинений сознательно или неумышленно смешивают воедино неорганизованные народные массы, давшие отпор революции, с членами конкретных политических партий и союзов, которые только начали организовываться в октябре 1905 года. В итоге действия первых автоматически приписываются вторым, что совершенно некорректно. Черносотенцами, отмечает современный исследователь Т.А. Шукшина, стали называть «всех, кто был настроен защищать от революционного поругания православную веру и православного царя, причем как насильственными, так и мирными путями. К первому способу относились различные столкновения во время манифестаций, погромы и потасовки, ко второму – обсуждения, проповеди, печатные публикации, листовки, формирование организаций...» [111, с. 30].

Причем если до середины 1920-х годов публицисты и историки, как правило, писали лишь об участии в погромах «черносотенных банд», возлагая основную вину за погромы на царское правительство (вождей правых партий обвиняли лишь «в распространении погромной агитации» [47, с. 380]), то со второй половины 1920-х годов возобладали тенденции обвинять лидеров правых союзов в организации погромов. Так, например, советский автор Н.М. Ростов утверждал, что «в центре погромной организации», якобы имевшей единый «кровавый план», стояли такие деятели как генерал Е.В. Богданович, А.И. Дубровин

¹ «...Погромы октября 1905 г., вошедшие в историю под названием “еврейских”, изначально были направлены не только против евреев и даже не столько против них, сколько против “революционеров” вообще, среди которых, как известно, евреи составляли значительный процент», – отмечает современный исследователь И.В. Омелянчук [69, с. 577].

² По подсчетам С.А. Степанова, основанным на анализе официальной статистики, жертвами погромов осенью 1905 г. стали 1622 чел. убитыми и 3544 чел. ранеными [99, с. 87–88]. Иные цифры приводит М.В. Шиловский, отмечающий, что в октябрьских погромах 1905 года «погибло от 3,5 до 4 тыс. чел., а еще более 10 тыс. получили ранения» [110, с. 4].

³ В большинстве случаев верным представляется следующий вывод: «Власти оказались неспособными предотвратить и пресечь действия погромщиков, хотя в ряде случаев не скрывали симпатии к ним» [110, с. 8].

и В.А. Грингмут [84, с. 69], однако никакими фактами свои обвинения не подтверждал. В дальнейшем эта тенденция сохранилась, о виновности правых партий в погромах писали и следующие поколения советских историков [40, с. 210–214].

Однако современными исследователями убедительно доказано, что к моменту погромной волны в Российской империи существовало лишь три черносотенные организации, претендовавшие на всероссийский характер, – Русское собрание, Союз русских людей и Русская монархическая партия, имевшие элитарный характер и весьма скромную численность, в совокупности составлявшую лишь несколько сотен человек. Небольшие монархические союзы, возникшие на местах летом-осенью 1905 года, на момент октябрьских погромов тоже не представляли серьезной силы [69, с. 590]. По замечанию Ю.И. Кирьянова, в советской литературе «позиция руководства правых партий подменялась примерами несанкционированных столкновений отдельных монархически настроенных групп населения с приверженцами либеральных и радикальных взглядов, реагировавших на издание Манифеста 17 октября» [42, с. 350]. «Весьма сомнительно, – пишет И.В. Омельяничук, – что столичный, да и провинциальный бомонд, составляющий основу монархических партий к октябрю 1905 г., имел такой авторитет в глазах городских низов и крестьян, чтобы вывести их на улицы под своими лозунгами, учитывая глубокий раскол, идущий еще с петровских времен, между европеизированной верхушкой и остальными слоями общества, сохраняющими православно-русскую идентификацию» [69, с. 590]. В период, когда волна погромов прокатилась по стране, правые партии еще находились в стадии становления, влияния на народные массы не имели и принять участие в этих эксцессах не могли хотя бы по причине отсутствия у них на тот момент таких возможностей. «Осенью 1905 г. черносотенцы являлись неорганизованной стихией. Простые обыватели, вышедшие на улицы, не состояли в партиях и вряд ли имели представление о политике», – справедливо отмечает С.А. Степанов [99, с. 91]. В последующих еврейских погромах, произошедших в 1906 году в Гомеле, Белостоке, Седльце, правые партии участия тоже не принимали. Напротив, в эти дни ими распространялись воззвания, призванные удержать членов монархических организаций от участия в незаконных действиях. В одном из таких воззваний отмечалось: «Мы умоляем вас, граждане, избегать всякого участия в этих беспорядках!.. Мир и тишина – радость государя! Смуты и волнения преисполняют сердце его великою и тяжкою скорбью!» [45, с. 70].

Нередко указывается на то, что правые союзы если не организовывали, то провоцировали погромы, издавая антисемитскую литературу, распространяя погромные слухи и выпуская воззвания, в которых называли евреев врагами православия, самодержавия и русского государства. «В правой печати активно велась антиеврейская пропаганда. Безусловно, она повлияла на участников погромов, прокатившихся по городам России», – отмечает Д.Д. Богоявленский [4, с. 88]. Косвенную вину правых признавал и В.В. Шульгин. Касаясь темы погромов на допросе в 1945 году, он отмечал: «...Я признаю, что в той мере, в какой наша антисемитская деятельность могла вызвать эксцессы, носившие название погромов, мы, которых называют черносотенцами, несем за это моральную ответственность, потому, что наши газетные статьи и речи, падавшие в массы, для людей недостаточно развитых, являлись подстрекательством к погромам» [104, с. 153]. Однако при этом политик указывал, что ему неизвестно, кто руководил погромщиками в 1905 году и отрицал участие в них правых союзов.

Лидеры правых действительно позволяли себе неприемлемые по современным меркам антисемитские выпады, порой даже пугали евреев тем, что если их единоплеменники не прекратят антимонархической и антицерковной деятельности, то их может ждать новая волна погромов, но никогда не призывали к этим акциям членов своих партий и союзов. Скорее, они указывали на то, что если государственная власть снова самоустра-

нится, законы перестанут действовать, то вожди правых партий не смогут удержать народные массы от погромов. И предупреждали левых, что в таком случае виновниками новых еврейских погромов станут именно они.

Поэтому, например, трактовать думскую речь Н.Е. Маркова, произнесенную в связи с делом Бейлиса, как «прямой призыв к еврейским погромам» [102, с. 71] и тем более как указание на то, чтобы «все евреи “до последнего” должны быть перебиты в предстоящих погромах» [46, с. 120], – большая натяжка, поскольку в его подлинных словах, достаточно резких и неполицорректных, речь все же шла о другом. Требуя от власти рассмотрения вопроса о ритуальных убийствах, в которых он обвинял «секту иудейскую», правый политик заявлял: «Тут говорили о погромах. <...> ...С тех пор, как союзы русского народа взяли в свои руки народные массы (смех слева), именно с тех пор нет еврейских погромов, и никакими хохотами, никакими голословными возражениями вы этого не опровергните. Итак, благотворное влияние монархических организаций в этом направлении несомненно. Мы удерживаем народ от проявления дикого зверского произвола; мы удерживаем народные массы от иудейских погромов¹, но это делать мы можем только до той минуты пока <...> сохраним нравственное право <...> убеждать союзников в том, что есть еще правда на земле, что есть еще закон <...> Но в тот день, когда при вашем соучастии, господа левые, русский народ убедится окончательно в том <...> что уже нет закона, что уже нет возможности обличить на суде иудея <...> в тот день, господа, будут еврейские погромы. Но не я их накличу – эти погромы, и не Союз русского народа <...> вы сами создадите погром, и этот погром не будет таким, какие бывали до сих пор, это не будет погром жидовских перин, а всех жидов начисто до последнего перебьют» [22, стб. 3145–3146].

Но даже соглашаясь с тем, что антисемитская риторика правых могла служить одним из катализаторов погромов, следует обратить внимание на ряд важных моментов. Во-первых, погромы случались и ранее, когда никаких правых партий не было и в помине. Во-вторых, среди погромных агитаторов встречались не только русские, но и представители других национальностей, включая евреев. В частности, известны факты подстрекательства к погромам со стороны сионистов-социалистов, которые среди русского населения разбрасывали прокламации, призывающие к погрому, а среди еврейского – зовущие вооружаться и готовиться к отпору [99, с. 122]. В-третьих, антисемитские настроения, вызванные экономическими, религиозными и национальными факторами, бытовали в черте оседлости и без какой-либо целенаправленной агитации и в момент крайнего возбуждения христианского населения могли выливаться в погромы, что и произошло в 1905 году.

Конечно, правоохранительные силы вполне могли внести свою лепту в возникновение погромов, но переоценивать их роль не стоит. Далекое не везде, где были погромы, существовали хоть какие-то организованные структуры русских монархистов. Однако даже там, где их не было совсем, трагические события разворачивались по одному и тому же сценарию, что говорит вовсе не о том, что они были организованы из какого-то единого центра, а о том, что происходили они в результате одних и тех же факторов. Представляется, что и значение правой печати не стоит переоценивать. На погромы, в которых преимущественно участвовали лавочники, ремесленники, извозчики, рабочие, крестьяне и деклассированные элементы, влияли не столько антиреволюционные и антисемитские статьи и брошюры, сколько реально накопившиеся проблемы во взаимоотношениях между христианским и иудейским населением в черте оседлости (больше – в экономической

¹ В другой своей речи Марков заявлял: «Я констатирую факт, что с 1906 г., за все 5 лет, с тех пор, как доблестные Союзы русского народа учреждены в России, не было еще ни одного еврейского погрома, и те, кто говорит обратное, те лгут; именно со времени создания Союза русского народа все те силы, разрозненные и неорганизованные, которые ранее делали погромы, теперь погромов не производят, не производят, благодаря Союзу русского народа, и не будет погромов, пока мы их удерживаем от этого» [22, стб. 1600].

сфере, меньше – в конфессиональной и национальной), а также действия революционеров, оскорблявших на глазах толпы ее национальные и религиозные чувства (надругательство над царскими портретами, поношение религии, духовенства и церкви и т.д.) и нередко провоцировавших монархически настроенное население на ответное насилие (например, стрельба по патриотическим манифестациям). Поэтому если и возлагать моральную ответственность за погромы на вождей черносотенного движения, позволявших резкие выступления по адресу революционного и оппозиционного лагеря, а также евреев, то справедливости ради эту вину следовало бы возложить и на радикальные революционные силы, куда более (хотя и не всегда осознанно) провоцировавшие погромы своими действиями.

Сами же правые в большинстве своем были уверены в том, что непосредственной причиной октябрьских погромов явилось активное участие евреев в революции, на которое возбужденные народные массы ответили взрывом негодования, без разбора выместив его на еврейском населении, к которому в силу экономических и религиозных причин относились враждебно [69, с. 580–581]. «Погромы (это не значит, что их можно оправдывать) не явились беспричинно, – вспоминал В.В. Шульгин. – Погромам предшествовали факты, тяжело оскорбившие русское национальное и живое тогда монархическое чувство; и знамения, недвусмысленно предсказывавшие величайшие для России и русских опасности. Погромы 1905 года произошли тогда, когда революция уже показала свои клыки, показала, чем она чревата. Погромы направлены были тогда не на одних евреев: они обрушились на всех, кого русская стихия в судорожном припадке самосохранения признала возбудителями революционной волны. Во всех местностях, где проживали евреи, таковыми главными возбудителями были “гласом народа” признаны “жиды”; но там, где “жидов” не было, громили русскую революционную интеллигенцию» [112, с. 153]. В том же духе писали о причинах погромов В.А. Грингмут [27, с. 145–146], Б.М. Юзефович [115], С.К. Глинка-Янчевский [17] и почетный председатель Новгородского и Пермского отделов СРН архиепископ Андроник (Никольский) [2, с. 376–378].

Один из основателей СРН П.Ф. Булацель, рассуждая о виновниках симферопольского погрома, замечал: «Весь стыд, весь позор за ужасный погром должен пасть на голову тех “прогрессистов”, которые разжигают народные страсти и кощунственно оскорбляют народные святыни: православие и царское самодержавие. Революционные насилия, забастовки, надругательство над портретом царя и стрельба в безоружных русских патриотов – все это вывело народ из терпения, и он, превратившись на мгновение в дикого зверя, успел за этот миг натворить много бед евреям. Кровь жертв вопиет к небу; но виноваты в пролитой крови не мирные русские люди, а главари революционного движения, которые безумно оскорбляют и раздражают всех русских людей...» [7, с. 206]. Конечно, представляя погромщиков «мирными русскими людьми», адвокат Булацель, защищавший их на суде, лукавил, но показательно, что в своем выступлении он недвусмысленно осудил сам погром. В другой своей речи, касающейся великолуцкого погрома, Булацель подчеркивал, что его участники ранее не враждовали с евреями, а во время революционных беспорядков «били не одних евреев и не за то, что они евреи, а били и русских, и евреев за то, что они революционеры» [7, с. 316–317].

Показательно, что ни одна из всероссийских черносотенных организаций, несмотря на присутствовавший в их риторике антисемитизм, никогда не призывала своих членов к погромам, осуждая эту форму борьбы. По крайней мере до настоящего времени историкам обнаружить призывов лидеров правых к погромам не удалось, в то время как высказывания представителей черной сотни с осуждением погромной тактики хорошо известны. В официальном заявлении СРН от 10 ноября 1906 года отмечалось: «Союзу русского народа в лице его Главного совета и местных отделов до сего времени приходилось при-

лагать немалые усилия к тому, чтобы предотвратить проявления дикого насилия и самосуда со стороны угнетенного еврейями и крайне негодующего населения, особенно в Юго-Западном крае...» [43, с. 104].

Лидер Русской монархической партии (РМП) В.А. Грингмут называл погромы «диким самосудом населения» [29, с. 236] и особо указывал на то, что сам он никогда не призывал к погромам и каким-либо иным видам насилия, поддерживая только законные способы борьбы с врагами самодержавия [26, с. 156–157, 160]. Говоря о задачах формирующихся монархических партий, Грингмут особо подчеркивал, что там, «где собраны черносотенцы-монархисты <...> не могут произойти ни прогулки с красными флагами, ни народные смуты, ни безобразные погромы» [25, с. 167].

Видный член Русского собрания и председатель Русского окраинного общества Н.Д. Сергеевский решительно выступал против погромов и других насильственных мер в отношении еврейского населения. Отмечая, что в силу ряда причин «русские люди, сталкиваясь с евреями, приходят в раздражение», Сергеевский признавал еврейство «огромной умственной и духовной силой», с которой «кулаками ничего не поделаешь» [91, с. 25–26]. Противодействовать еврейскому влиянию Сергеевский призывал «не кулаками, не погромами, а упорством в труде, умственным развитием, честностью, сознанием общего интереса и обязанностей к ближним», отмечая, что «китайцы своим трудолюбием, аккуратностью и воздержанностью давно пересилили своих евреев, и китайские поданные евреи не представляют теперь никакой силы среди местного населения» [91, с. 26].

В связи с этим лидеры правых объясняли еврейские погромы как раз отсутствием в 1905 году сильных монархических организаций, способных сдерживать антисемитские настроения в народных массах в законных рамках. Антоний (Храповицкий), возмущаясь тем, что либеральная печать обвиняет его в том, что он якобы ходит с крестными ходами для возбуждения погромов, писал: «Всякие погромы прекратились на Волыни с тех пор, когда образовался Почаевский Союз русского народа в 1906 году» [70, с. 772]. «Организовавшись в союзы, народ <...> увидел возможность борьбы с революцией и отпора еврейскому натиску иными путями – легальными и законными, на почве которых стоят монархические организации», – писал черносотенный публицист А.П. Липранди [51, с. 35]. Как было показано выше, об этом же говорил в своих думских речах и Н.Е. Марков, а в 1917 году на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства правый политик так пояснял отношение лидеров черной сотни к погромам: «К погромам мы их [членов СРН – А.И.] не призывали, мы призывали их к воздержанию от погромов. Со времени организации Союза русского народа в России не было ни одного погрома; может быть, теперь они и будут, после закрытия. Наша деятельность в этом отношении очень удачна» [72, с. 191].

И подобные заявления не были лишь игрой на публику. Вожди правых не воспользовались ни убийством П.А. Столыпина, ни делом Бейлиса, чтобы организовать еврейские погромы (хотя оппозиционные силы всякий раз распускали подобные слухи, обвиняя черносотенцев в подготовке новой волны погромов¹). Но, несмотря на то, что среди членов черносотенных союзов наверняка были те, кто был бы рад воспользоваться столь подходящими для погромов поводами, руководство правых партий повело себя ответственно, поскольку было заинтересовано не в новой смуте, а в стабильности общественно-политической ситуации в стране. Когда в 1913 году распространились слухи, что в Киеве готовится еврейский погром в связи с делом Бейлиса, Комитет монархи-

¹ В связи с этим современный исследователь отмечает: «...Погромные слухи родились и тиражировались в среде революционных партий как реакция на процесс создания враждебных организаций и активно использовались ими для дискредитации политического противника» [80, с. 160].

ческих организаций, учрежденный в память 300-летия царствования Дома Романовых, выступил с обращением, в котором призывал членов правых организаций «всеми доступными им средствами» удерживать население от погрома [4, с. 173–174]. К выводу о том, что именно «отсутствие у традиционалистов руководящего и организующего центра не позволило сдерживать разрушительную энергию масс» в октябре 1905 года, приходит и современный исследователь М.Л. Размолодин, отмечающий, что «только с появлением черносотенных организаций, взявших под контроль народную стихию, погромы уходят в прошлое и возвращаются вновь во время Гражданской войны. Но ответственность за них монархисты уже нести не могли» [81, с. 87]. Наглядным подтверждением этому выводу является значительно более страшная волна еврейских погромов, захлестнувшая южные и юго-западные территории бывшей Российской империи в годы Гражданской войны и унесшая жизни от 50 до 200 тыс. человек, не считая искалеченных и ограбленных [5, с. 7]. Причем происходили они при попустительстве или прямом участии в них отнюдь не царского правительства или монархистов-черносотенцев, а петлюровцев, зеленых, белых и красных.

Даже те из черносотенных политиков и публицистов, кто сочувствовал погромам (а такие, безусловно, были), не позволяли себе их публично одобрять. Известный своей воинственной антисемитской риторикой А.И. Дубровин решительно отмежевывался от обвинений в погромах, называя их «преступлением» (хотя и делал показательную оговорку, что до этого преступления русский народ был доведен «еврейскими преступлениями») [79, с. 97, 106]; а председатель Издательского комитета при СРН А.В. Ососов заявлял: «...как ни сочувствуй проявлению народного чувства, но этот способ разрешения еврейского вопроса нельзя признать нормальным» [69, с. 467]. Поэтому, говоря о «черносотенных погромах», следует уточнять, что в данном случае термин «черносотенный» используется для характеристики монархически, антиреволюционно и антисемитски настроенных масс, не принадлежащих к каким-либо организованным политическим структурам, а не к возникшим чуть позже черносотенным (правым) партиям.

Впрочем, это, естественно, не означает, что участники еврейских погромов 1905 года не могли позже влиться в ряды черносотенных партий и союзов, равно как и то, что среди деятелей правого движения не могло быть «погромных настроений». Как признавал Дубровин, отрицавший какую-либо причастность СРН к погромам и считавший эти обвинения «злым наветом», «ко всякой партии естественно примыкание из-за различных выгод разных пошлых, нечестных элементов», а потому и в СРН оказалось «много темных личностей» [79, с. 97, 106]. О том, что к СРН во время активной борьбы с революцией присоединились «нечистые элементы» публично говорил в 1909 году и Н.Е. Марков, при этом подчеркивавший, что «наши отбросы – не суть Союза русского народа» [24, стб. 2297]. Однако официально погромная тактика вождями черной сотни осуждалась, ибо являлась действием «революционным», преступным, развращающим массы. Ведь те, кто вчера с энтузиазмом громил еврейские лавки, завтра с легкостью мог оказаться среди тех, кто будет жечь дворянские усадьбы. Да и из прагматических соображений погромы, от которых страдали преимущественно представители мелкой еврейской буржуазии, были для лидеров правых явлением совершенно бесполезным¹, ибо их жертвы не имели никакого отношения к тем евреям, которые, по мнению теоретиков из консервативного лагеря, сосредоточили в своих руках мировые финансы, влияли на судьбы мира или же руководили революционным движением. Другое дело, что воинственный антисемитизм русских правых уже сам по себе мог способствовать погромным настроениям среди малокультурных

¹ На одном из митингов Дубровин, призывая бороться с «еврейским засильем», говорил: «...Бороться с ними [евреями – А.И.] надо не погромами, так как погромы нас ни к чему не приводят, от погромов страдает только беднейший еврейский класс, “пархи”, да русские люди, которых хватают на погромах...» [78, с. 394].

участников черносотенного движения. И тем не менее с подачи вождей черной сотни ни одного погрома в Российской империи в период 1905–1917 годов не произошло.

Террор

Помимо обвинений правых партий и союзов в организации погромов, не менее часто звучали и продолжают звучать обвинения в их адрес в террористической деятельности, которую современники по аналогии с событиями Французской революции конца XVIII века, нередко именовали белым террором [74 8, с. 184; 9, с. 11; 47, с. 436], а современные исследователи иногда называют террором черным [99, с. 251]. Под террористической деятельностью правых обычно подразумеваются активность в 1906–1907 годах боевых дружин черносотенцев, а также физическое устранение членами правых партий политических противников или подготовка покушений на них.

Уже в ноябре 1905 года Ленин писал: «Черные сотни заработали так, как не видывала еще Россия. Вести о побоищах, о погромах, о неслыханных зверствах так и сыплются из всех концов России. Господствует белый террор. Где только можно, полиция поднимает и организует подонки капиталистического общества для грабежа и насилия, подпавшая отбросы городского населения, устраивая еврейские погромы, подстрекая избивать “студентов” и бунтовщиков, помогая “учить” земцев. Контрреволюция работает вовсю» [49, с. 76]. Однако в этих броских и эмоциональных словах, написанных в разгар революционной борьбы, преобладают пропагандистские штампы, а не реальное отражение действительности. Отвечая на эти обвинения, одна из правых газет писала: «Когда <...> именуют нас – монархистов “белыми террористами”, и это название начинает буквально не сходиться со страниц революционной печати, не лишним находим мы припомнить деятельность тех организаций, которым это наименование даровала история. <...> Если бы наши революционные вожаки поближе познакомились с историей французской революции, они имели бы действительное представление, что такое “белый террор” и играть этими словами, думаем, перестали бы. “Белый террор” поверг революционеров Франции в панический ужас. <...> Пред “белым террором” забывался “террор красный”. Небольшие группы держали в паническом страхе целые города. <...> Похожи ли мы – монархисты на “белых террористов” Франции? Человек, сохранивший атом разума, ответит: нет!» [67]. Конечно, и эти слова можно было бы отнести к пропаганде и желанию правых выставить себя в лучшем свете, однако непредвзятый подход к этой непростой и острой теме заставляет признать, что так называемый террор правых был сильно переоценен их политическими противниками, а вслед за ними и рядом историков.

Как справедливо отмечает И.В. Омелянчук, «полностью отрицать существование правого террора не корректно, но рассматривать его нужно в контексте исторических реалий того периода и в жесткой связи с инициировавшим его террором левым» [69, с. 593]. Последнее замечание принципиально важно. Ведь левые радикалы, будь то эсеры, социал-демократы, анархисты или бундисты, в годы революции 1905–1907 годов сами активно практиковали методы террористической борьбы и политических убийств, оправдывали и героизировали их. Жертвами революционного (или «красного», как часто называли его в то время) террора только за два года революции стали примерно 9 тыс. чел., всего же с 1901 по 1917 год от рук террористов погибло около 17 тыс. чел. «По данным полиции, только с февраля 1905-го по май 1906-го было убито: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников – 8, вице-губернаторов и советников губернских правлений – 5, полицеймейстеров, уездных начальников и исправников – 21, жандармских офицеров – 8, генералов (строевых) – 4, офицеров (строевых) – 7, приставов и их помощников – 79, околоточных надзирателей – 125, городских – 346, урядников – 57, стражников – 257, жандармских ниж-

них чинов – 55, агентов охраны – 18, гражданских чинов – 85, духовных лиц – 12, сельских властей – 52, землевладельцев – 51, фабрикантов и старших служащих на фабриках – 54, банкиров и крупных торговцев – 29. В 1907 году каждый день от рук террористов погибало в среднем 18 человек» [71, с. 24].

Кадеты, также не скупившиеся на обвинения правых в терроризме, как известно, так и не осудили террор левых. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков, восхищаясь народовольцами, видел в революционных террористах начала XX века союзников либерального движения, так как надеялся, что террор, развязанный против власти и ее защитников, приблизит наступление конституционной эры [6, с. 349]. Двойные стандарты в отношении террора и симпатии кадетов к революционным террористам весьма метко были высмеяны правыми в одной из карикатур: «Уступи мне, а не то “он” бросит в тебя бомбу» – такова была подпись под рисунком, изображавшим кадет, стремящихся завладеть престолом, и стоящего на втором плане социал-революционера, держащего бомбу в руках» [30, с. 507].

Член Русского собрания, товарищ министра внутренних дел в 1906–1907 годах В.И. Гурко, вспоминая о том, как подавала события революции 1905 года социалистическая и кадетская пресса, писал: «Бесподобны по невероятной лживости <...> помещенные в радикальных органах корреспонденции с мест. <...> Сплошное извращение фактов и событий разжигает легковверных, а в особенности уже заранее определенно настроенных читателей и, конечно, усиливает всеобщее брожение, порождает революционный экстаз. Происходит какое-то самовзвинчивание как против существующего строя, так и против всех его сторонников, которые сплошь признаются либо за природных кретин, либо за отъявленных мерзавцев, а чаще всего за тех и других вместе. На этой почве искусственно создается в известных кругах вполне искреннее негодование ко всяким выступлениям правых организаций, а тем более к образуемым ими патриотическим манифестациям. По отношению к ним словарь прессы сразу изменялся. В то время как толпа, идущая под красным знаменем, именуется “народом, выражающим свою любовь к свободе”, манифестанты, несущие царский портрет, обзываются хулиганами, набранными из общественных подонков. Когда образуются вооруженные боевые дружины рабочих, радикальная пресса это замалчивает, когда же в Москве “Союз русских людей” задумывает организацию дружин порядка и духовная власть разрешает объявить прихожанам с амвона, что принимается запись в эти дружины, та же пресса иступленно взывает к власти о “прекращении такого безобразия”, и это к той самой власти, ухода которой она тут же требует» [30, с. 505–506].

Как отмечал С.С. Ольденбург, интеллигенция применяла против правых «орудие морального террора и клеветы: рядовой интеллигент был глубоко убежден, что те, кто не разделяют его воззрений, либо подкупленные, бесчестные личности, либо, в лучшем случае, люди не совсем нормальные...» [68, с. 211]. Так, к примеру, кадетская «Речь», описывая черносотенных дружинников, резюмировала: «Зверские физиономии... Достаточно взглянуть на физиономии этих людей, чтобы сразу понять, что нет того преступления, пред которым они бы остановились» [82]. Поэтому, обращаясь к рассмотрению контрреволюционного активизма черносотенцев, важно помнить о породившей его атмосфере, отношении к правым либерального лагеря и методах устрашения и физического воздействия на политических противников, практиковавшихся в это время их антагонистами слева.

В условиях ожесточенной политической борьбы, сопровождавшейся эксцессами, чреватými гражданской войной, правые тоже оказались втянуты в водоворот насилия. Встав на защиту монархии, они всецело поддерживали репрессивные меры правительства, восхищались энергичными администраторами и генералами, которые, не растерявшись, давали отпор революции, и готовы были оказать поддержку любым жестким мерам со стороны государственной власти. Рупор РМП «Московские ведомости» в 1905 году призывал к «законному террору» против «беззаконных террористов»: «Военная диктатура с

законным террором, – вот единственное средство, которым можно обуздать преступную и гнусную шайку террористов. Иного средства нет, и *быть не может*» [61].

Один из лидеров СРН Б.В. Никольский неоднократно высказывался в поддержку антиреволюционного террора, отмечая, что последний есть «средство самое верное и неотложное», выражая в частной переписке мнение, что «когда на пять-шесть наших они потеряют 50–60 своих вождей, весь террор как рукою снимет, и надолго» [100, с. 33]. Призывая правительство к жестким мерам против вождей революции, Никольский допускал и черносотенный террор, полагая, что если «за каждого убитого нашего избивать по пять, по десять главарей красотряпичников, они скоро очнутся», при этом подчеркивая, что ответный террор должен быть нацелен исключительно на главарей революционного движения [100, с. 33–34]. Схожих взглядов придерживался и П.Ф. Булацель, заявлявший о том, что революционные беспорядки не прекратятся до тех пор, «пока правые не будут отвечать на убийства убийствами» [99, с. 253]. А неистовый иеромонах Илиодор (Труфанов), бывший одним из видных активистов СРН, осуждая «подлые убийства из-за угла» и считая недостойным для правых прибегать к методам, которые они осуждают у левых, призывал черносотенцев открыто «предавать казни преступников», изменивших царю, церкви и отечеству. «Черная сотня должна бороться за святое дело открыто. По всем городам, во всеуслышание она должна сделать такие постановления, что если в будущем враги ее будут убивать верных царских слуг, и малых и великих, если будут ругаться над царем и св. православною верою, то самые видные предводители красных шаек будут немедленно преданы самой жестокой смерти. И подвижники-палачи не должны скрываться. Пусть их судят судьи, изменившие своему народу и своей вере, но все русские люди будут считать их мучениками, подвижниками-палачами. И черная сотня должна настоять, чтобы этих людей не судили, не ставили на одну доску с проклятыми революционерами» [11, с. 85].

Однако на практике эти призывы и угрозы не были реализованы столь масштабно.

Левая печать, а затем и историческая литература советского времени, относили к преступлениям черной сотни совершенные в ходе массовых беспорядков 1905 года убийства большевиков Ф.А. Афанасьева, О.М. Генкиной (Иваново-Вознесенск) и Н.Э. Баумана (Москва). Однако как и в случаях с погромами, под «черносотенцами» здесь следует понимать не членов правых политических организаций, а представителей контрреволюционно настроенных масс, так как ни убийца Баумана рабочий Н.Ф. Михалин, ни казаки вместе с неизвестными городскими обывателями растерзавшие Афанасьева, ни иваново-вознесенские рабочие, устроившие самосуд над революционной террористкой Генкиной, к правым партиям и союзам никакого отношения не имели, а преступления эти, как и многие другие эксцессы революции, никто не организовывал.

Самыми шумевшими преступлениями, в которых обвинялись члены правых партий, стали убийство депутатов Государственной думы М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса (кадеты), А.Л. Караваева (трудолик) и покушение на С.Ю. Витте. Поскольку все эти случаи подробно освещались историками [99, с. 253–268; 12], затронем их лишь в той мере, которая необходима для характеристики методов и особенностей черносотенного террора.

Профессор, экономист, выходец из состоятельной еврейской семьи М.Я. Герценштейн считался в кадетской партии одним из главных специалистов по аграрному вопросу. Его речи в I Государственной думе, в которых кадетский депутат призывал к принудительному изъятию земельной собственности у частных владельцев, обратили на себя внимание правых. Особенно их возмутили сказанные «с непристойным юмором» [103, с. 64] слова Герценштейна о поджогах дворянских усадеб, названных им «иллюминациями» [21, с. 524]. Правые истолковали эти слова как поощрение оппозиционным депутатом «волны погромов помещичьих усадеб», составлявших «один из оплотов исторической России», и, по словам В.В. Шульгина, «многие прекрасно поняли: то, что для одних тяжкая тра-

гедия, глубокое горе и несчастье, то другим (то есть “освободителям”) доставляет явную или плохо скрытую радость» [112, с. 234–235]. В адрес Герценштейна посыпались угрозы, и в июле 1906 года он был убит выстрелами из револьвера на своей даче в Териоки. Следствие установило, что к убийству были причастны несколько «союзников», входивших в дружину, подчинявшуюся Главному совету СРН, которых координировал соратник Дубровина Н.М. Юскевич-Красковский. Однако причастность к преступлению лидера СРН Дубровина доказана не была. До сих пор точно не установлено, кем именно был отдан приказ на физическое устранение депутата уже распущенной к тому времени Думы (имеются свидетельства о причастности к этому теракту охранки и петербургского градоначальника В.Ф. фон дер Лауница [14, с. 150]). В ходе судебных процессов 1907–1909 годов было осуждено несколько членов СРН, включая кандидата в члены Главного совета СРН Юскевича-Красковского, однако император Николай II высочайшим указом помиловал осужденных.

В марте 1907 года жертвой черносотенцев стал близкий друг Герценштейна член I Думы, редактор «Русских ведомостей» Г.Б. Иоллос, убитый на одной из улиц Москвы. Это преступление организовал один из убийц Герценштейна член СРН А.Е. Казанцев, осуществив его чужими руками. Выдав себя за эсера-максималиста, он подговорил сочувствовавшего революции рабочего В. Федорова убить либерального политика который якобы был приговорен партией максималистов к смерти за присвоение 80 тыс. руб. экспроприационных денег [52, с. 59]. Совершив убийство, а после узнав, что его обманули, Федоров в отместку убил Казанцева и бежал за границу. Вопрос о том, кто непосредственно руководил Казанцевым, тоже остается открытым. Если оппозиционная печать считала его руководителями верхушку СРН, то бывший начальник Петербургского охранного отделения генерал А.В. Герасимов утверждал, что Казанцев был агентом охранки и действовал по поручению жандармского полковника Е.К. Климовича [14, с. 153].

Ровно через год, в марте 1908 года, в Ектеринославе в своем кабинете был застрелен бывший депутат II Думы врач А.Л. Караваев. Дореволюционное следствие виновных в этом преступлении обнаружить не смогло (хотя Герасимов вспоминал, что ему было известно о причастности к убийству правых [14, с. 153]), и лишь в 1926 году советский суд обвинил в этом преступлении трех бывших членов Екатеринбургского отдела СРН, приговорив обвиняемого в подготовке преступления П.В. Шелестова к 10 годам заключения, а обвиненных в непосредственном осуществлении убийства М.И. Шальде и С.Д. Щеканенко к расстрелу [35–37, 75, 77]. Осужденные своей вины не признали [76].

Что же касается нашумевшего неудачного покушения на отставного премьера С.Ю. Витте, совершенного в конце января 1907 года, то его организацией занимался все тот же Казанцев. Как и в случае с Иоллосом, покушение планировалось осуществить руками левых радикалов. По мнению С.А. Степанова, этой тактикой черносотенцы «пытались одним выстрелом убить двух зайцев, т.е. покончить с С.Ю. Витте и спровоцировать новые полицейские репрессии» [99, с. 257]. Привлеченные Казанцевым к теракту рабочие опустили две «адские машины» в дымоход дома Витте, но они были обнаружены истопником и покушение сорвалось. Новое покушение на Витте было запланировано на конец мая 1907 года, в ходе него предполагалось бросить бомбу в автомобиль графа, но оно тоже сорвалось по причине разоблачения и убийства Казанцева. Участие в большинстве терактов Казанцева, пытавшегося осуществить их руками левых, давало основания либеральной печати утверждать, что это был «отчетливо, во всех деталях обдуманый план организации правого террора руками одураченных, скудных разумом и знаниями, революционеров из простонародья» [52, с. 84]. Однако утверждение, что «в своей собственной среде черносотенцы не могли найти людей, способных пойти на жертву ради “идеи”» [52, с. 84] и именно потому были вынуждены прибегать к услугам левых, кажется тенденциозным. Дело было вовсе не в том, что левые террористы были «героями», а правые – «трусами»,

как это пыталась представить либеральная печать, а в том, что помимо политической выгоды от совершения подобных преступлений руками левых, найти в их среде людей, готовых без лишних раздумий устранить «внутренних врагов», было гораздо легче, чем среди сторонников православно-монархических взглядов.

Иногда в литературе упоминается и нападение на П.Н. Милюкова, якобы организованное черносотенцами. Неизвестный настиг лидера кадетской партии на Литейном проспекте и нанес ему два удара по шее, сбив котелок и разбив пенсне. Милюков считал этот инцидент покушением на свою жизнь, полагая, что неизвестный нападавший «был нанят доктором Дубровиным» [57, с. 282–283; 38, с. 175], однако даже если это действительно было так, рассматривать данную хулиганскую выходку как теракт достаточно сложно.

Еще одним способом устрашения, который во время революции практиковался в крайне правых кругах, стало запугивание политических противников (прежде всего кадетов) от имени тайной карательной организации, выносящей приговоры «врагам веры, царя и отчества». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сравнивал черносотенство с каморрой и мафией [109, с. 869], а кадет А.С. Изгоев (Ланде) утверждал, что за убийством Герценштейна стояла «Каморра народной расправы», поставившая целью «снять» несколько виднейших «кадет» [39]. Милюков вспоминал, что незадолго до покушения Герценштейн получил письмо с угрозами от «Общества активной борьбы с революцией», а сразу же после убийства семье покойного пришло письмо от «Каморры народной расправы» с требованием пожертвовать значительную сумму в пользу жертв «иллюминаций», семей полицейских, погибших от рук революционеров, и публичного отмежевания от кадетской партии. Заканчивалось письмо угрозой лишить слушников жизни и уничтожить их имущество. Письмо и прилагавшаяся к нему карточка были увенчаны черепом с перекрещенными под ним костями и безграмотной надписью: «Коммора Народной Расправы» [59, с. 40, 42]. Такую же карточку убийцы оставили на месте преступления [24, стб. 2226], признавшись на суде, что получили несколько таких «визиток» от Юскевича-Красковского [12, с. 78]. Сообщалось, что письма с угрозами от «Каморры» также были отправлены Иоллосу [66, с. 432] и Караваеву [36, 37]. А после убийства Караваева и задержания подозреваемых в этом преступлении, оппозиционные газеты выражали надежду, что полицией наконец-то раскрыта квартира «Каморры народной расправы» [18]. На страницах журнала «Русская мысль», считавшегося рупором кадетской партии, Изгоев писал про правых террористов: «Шумели и болтали они много, рассылали смертные приговоры от “каморры народной расправы” направо и налево, Винаверу, Гессену, Грузенбергу, Родичеву, Милюкову и т.д., но привести в исполнение эти приговоры у них не хватило уже сил...» [38, с. 172].

По мнению Изгоева, за устрашающим названием скрывалась «полуполициарная боевая дружина» при вполне легальном и даже покровительствуемом с высоты трона «Союзе русского народа». Эта «Каморра», утверждал публицист, «руководимая образованными людьми, рассылала свои приговоры, угрозы и заявления, составленные в нарочито безграмотном стиле». Причем если первое слово в названии этой полумифической организации было позаимствовано из итальянской истории (каморра – неаполитанская мафия, в период реставрации Бурбонов пользовавшаяся покровительством монархистов и считавшаяся наиболее кровожадной среди итальянских криминальных структур), то оставшиеся два, судя по всему, были «отголоском воспоминаний о нечаевском обществе “Народная расправа”». Таким образом, по мнению кадетского публициста, «Каморра народной расправы» представляла собой петербургскую боевую дружину СРН во главе с Юскевичем-Красковским и находилась под полным контролем тайной полиции [39]. Эту же версию озвучивали кадет В.П. Обнинский [66, с. 432] и эсер В.В. Шеловников, заявивший в показаниях ЧСК ВП, что «Каморра» была создана по инициативе Дубровина как «ячейка особой тайной организации, которая поставила своей целью убийства и разные насилия» [94, с. 67–69].

«Русское слово» сообщало об изъятых полицией в петербургской чайной СРН «огромного количества воззваний “Каморры народной расправы”» [90]. Современниками также высказывались предположения, что во главе «Каморры» стоял Л.М. Дезобри – участник русско-японской войны, Георгиевский кавалер [20], основатель и председатель «Общества активной борьбы с революцией и анархией», позже слившегося с СРН [64, с. 35]. «Шайка пьяных негодяев, воров, мошенников с уголовным прошлым, обольщенных уверениями в безнаказанности и готовых за рубль-целковый и убить кого велют и предать того, кто велел – вот, что в сущности представляла собою эта “каморра народной расправы”, “передовой отряд” воинствующей реакции. <...> Это – не политическая организация, а просто отряд мафии, очень удачно сам окрестивший себя “каморрой”, – заключал Изгоев [38, с. 176–177]. При этом либеральный публицист утверждал, что «имевший свою “идею” Дубровин хотя и считался “генералом” этой организации, на деле был “только пешкой в чьих-то руках», а “настоящий “генерал”, которому в действительности принадлежала “идея”, так и остался необнаруженным» [38, с. 176–177].

Из полицейских сообщений также известно о существовании некой подпольной «Каморры народной расправы», действовавшей в Киеве. Киевское жандармское губернское управление, в составленном им списке «важнейших современных политических партий в России» (1914), отнесла «Каморру народной расправы» к «крайним реакционерам», поставив эту организацию правее СРН и других черносотенных союзов. Отмечая, что девиз «Каморры» – «Бей крамольников и жидов», жандармы характеризовали эту структуру как подпольную группу, выступающую за неограниченное самодержавие, отстаивающую «старый государственный строй» (то есть существовавший до издания Манифеста 17 октября) и отрицающую «какие бы то ни было либеральные реформы, хотя бы таковые исходили от Высочайшей власти». Также отмечалось, что данная крайне правая структура «не брезгует насилием» и «стройной организации не имеет», проявляя свою деятельность «разрозненно, по инициативе отдельных лиц». И если в отношении других правых партий и союзов отмечалось, что они легализованы властями, то в отношении «Каморры» сообщалось, что ее «активные выступления преследуются правительством» [95, л. 1–2]. Однако кто стоял за киевской организацией, которая никакими громкими делами о себе так и не заявила, неизвестно.

В марте 1907 года вышел последний номер сатирической черносотенной газеты «Виттова пляска», подзаголовок которой гласил: «Орган ЧЧС (Чернее черной сотни). Каморра народной расправы» [33, с. 101–102]. Также упоминание «Каморры» появилось на одной из черносотенных листовок во время процесса по делу Бейлиса. По мнению А.Д. Степанова, автором этой мистификации, призванной наводить ужас на врагов самодержавия, был активный участник черносотенного движения и ярый антисемит художник-карикатурист Л.Т. Злотников (псевдоним «Л. Зло»). Именно он был причастен к выпуску «Виттовой пляски», ездил в Киев во время суда над Бейлисом, а в мае 1918 года распространил прокламацию «Предписание Главного штаба “Каморры народной расправы” всем представителям домовых комитетов», в которой призывал жильцов петроградских домов составлять списки проживающих в них «большевиков и жидов», чтобы «все враги русского народа были на учете, и чтобы их всех, в один заранее назначенный день и час, можно было перерезать» [96, с. 239]. В ходе следствия, проведенного в 1918 году, выяснилось, что «Каморра» состояла из одного Злотникова, что, впрочем, не помешало чекистам расстрелять по этому делу нескольких видных деятелей монархического движения.

Таким образом, есть все основания полагать, что и в дореволюционный период «Каморры народной расправы» как отдельной организации не существовало. Это вычурное и зловещее название первоначально использовалось петербургской боевой дружиной СРН, так или иначе причастной к перечисленным террористическим актам, а затем оно стало жить

самостоятельной жизнью. Весьма вероятно, что руководители совершенных правыми террористических акций, придумав «Каморру», старались тем самым защитить СРН от обвинений в терроре, списав его на некую самостоятельную тайную организацию. Ведь официально СРН всегда осуждал террористические методы борьбы, и для многих его видных членов из числа светской и духовной элиты такие способы противодействия революции были совершенно неприемлемы. Но завербованные для этих темных дел исполнители, бывшие представителями городского дна, этой тайны не сохранили, выдав во время следствия своих кураторов из СРН и разоблачив «Каморру». В итоге никакой масштабной террористической деятельности «Каморра» так и не развернула. Даже Изгоев уже в эмиграции признавал: «Преступления и гнусности большевиков, неизмеримо превзошедшие все, что творилось когда-либо в России скверного, заставили нас забыть о всех темных пятнах прошлого. Что такое жалкая “Каморра народной расправы” в сравнении с Чекой и ГПУ?» [39].

В непосредственной причастности к организации перечисленных выше убийств и покушений современники подозревали видных черносотенцев – лидера СРН А.И. Дубровина, В.В. Казаринова, А.А. Буксгевдена, В.М. Пуришкевича, редактора газеты «Вече» В.В. Оловенникова и некоторых других, но доказать их вину не удалось. При этом в публикациях наиболее радикальных черносотенных изданий фактически выражалось одобрение некоторым политическим убийствам. Заметка радикальной газеты «Вече», посвященная убийству Герценштейна, показательно называлась «Одним жидом меньше» [10], в том же духе писало об этом убийстве и «Русское знамя» [89], а Б.М. Юзефович со страниц дубровинского издания призывал власть не причислять убийц Герценштейна к преступникам за их «бескорыстный поступок», поскольку «Герценштейн подлежал уничтожению во имя блага России и был уничтожен» [114]. В частных разговорах некоторые лидеры правых также выказывали явное сочувствие этим актам индивидуального террора¹. Однако ответственность за эти теракты лидеры правых на себя так и не взяли. Дубровин отмежевался от преступлений, совершенных рядовыми черносотенцами и публично осуждал их в печати, однажды даже назвав террористов «кровожадными безумцами» [88]. В ответ на террористический акт, совершенный в отношении черносотенцев, Дубровин публично провозглашал: «Не мстите, православные, этим осатаневшим, заблудшим людям. Мы – Союз мира и любви; мы должны быть чисты перед Богом и царем...» [98, с. 77]. В.А. Грингмут, обращаясь к правым со страниц «Московских ведомостей» указывал, что «на подпольный террор ответить террором законным мы не можем, так как на это нет еще воли государственной, да и борьба с врагами внешними и внутренними лежит на обязанности не безоружного общества, а вооруженного с ног до головы и снабженного всеми моральными и материальными средствами правительства» [28, с. 113]. Московские черносотенные организации – РМП, Московский СРН и Общество русских патриотов – выступили с совместной резолюцией, в которой заявили, что они всегда «осуждали и решительно осуждают всякое политическое убийство, с какой бы стороны оно ни шло» [65]. Даже радикальное «Вече» и то заявляло: «Мы, черносотенцы, православные христиане, а потому всегда были против какого бы то ни было убийства. Убийство – смертный грех» [13].

В.В. Шульгин, признавая с думской кафедры, что «была страшная минута, когда мы были накануне правого террора», поскольку «безумие слева <...> могло перекинуться направо», заявлял: «Я вполне допускаю, что отдельные лица могли стать убийцами справа <...> но, господа, те люди, которые стоят во главе, вся та организация, все то, что вы называете правыми, ведь нас охранило что? Нас охранило с молоком матери всосанное отвращение

¹ «Этической стороны вопроса о терроре не касаясь, не подлежит сомнению факт: после убийств Герценштейна и Иоллоса, террористические убийства и покушения прекратились. А до тех пор генералов и министров революционеры “снимали”, как тетеревов с дерева», – говорил в частном разговоре с Ю.С. Карцовым Н.Д. Облеухов [60, с. 152].

к политическим убийствам; нас охранило еще то, что в самую эту тяжелую минуту власть, наконец, опомнилась и стала исполнять свои обязанности...» [24, стб. 2234]. Н.Е. Марков на допросе 1917 года заявлял, что «всегда считал возмутительной клеветой, что Союз русского народа организовывал убийства и притом таких сравнительно невинных людей, как Иоллос, Герценштейн и Караваев» [72, с. 178]. Однако в эмиграции Марков признал причастность членов СРН к перечисленным выше терактам: «К единоличному террору Союз русского народа прибегал в редких случаях, да и то лишь в первые годы своей деятельности. Известны убийства иудеев¹ Герценштейна в Финляндии, Иоллоса в Москве и Караваева в Харькове². Как ни редки были эти случаи, на иудеев они произвели в свое время громадное воспитательное впечатление» [54, с. 497]. При этом Марков подчеркивал: «Я был в числе тех руководителей Союза русского народа, которые были против террористических актов, и после 1910 года, когда я был избран председателем Союза, с нашей стороны не было совершено ни одного акта террора, – хотя тут же задавался вопросом: ...мысленно озирая все происшедшее в России, я спрашиваю: не лучше ли было вовремя устранить какую-нибудь сотню-другую виднейших зачинщиков революции и тем самым спасти десятки миллионов жизней, безвинно погибших, и тем спасти Россию?» [54, с. 497–498]³.

В связи с этим кадеты нередко обвиняли правых в том, что в отличие от идейных революционных террористов, действующих открыто и с убежденностью в собственной правоте, черносотенцы лишены «террористической честности» [66, с. 360], а значит совершенные ими или при их участии теракты – явления подлые и позорные, в отличие от «героических» действий левых радикалов. На это правые указывали, что оппозиция руководствуется двойными стандартами: осуждая террор справа, она не спешит осуждать террор слева; подняв шум в прессе из-за убийств, виновниками которых были черносотенцы, она молчит о членах правых союзов, ставших жертвами революционеров. «У здешних судей, – говорил Н.Е. Марков в III Думе, – имеются две меры, одна для своих, другая для чужих», убийство правых «считается здесь актом гражданской доблести», а убийство своих единомышленников оказывается преступлением [24, стб. 2269]. Признавали это и октябристы, писавшие, что для кадетов «убивать всех, стоящих правее известной политической партии – одно, а стоящих в рядах оппозиции – другое. Убивающий правого – герой, а убивающий левого – “подлый убийца”» [19].

П.Ф. Булацель, комментируя слова кадета И.В. Гессена, заявившего, что в отличие от правых террористов, убивших Герценштейна «за свою мысль и за свое слово», «красный террор никогда не поднимал руки на идейных руководителей и вдохновителей реакции, на ее публицистов и пророков, на тайных и явных советников власти, невооруженных никакою принудительной физической властью» [15], писал: «Да так ли это? Неужели Гессену не известны многочисленные случаи, когда красный террор направлял свое ядовитое жало против людей мысли и слова? Разве Гессен не слыхал о тех десятках мирных русских рабочих, которых жгли на плите и привязывали к маховому колесу только за то, что они, как например, Иван Гусев, открыто на заводах среди сознательных товарищей проповедовали свою мысль, что без царя и Бога Россия окончательно погибнет? А разве священник, отец Владимир Троепольский⁴, зверски зарезанный анархистами в Алупке,

¹ Герценштейн был крещеным евреем.

² На самом деле – в Екатеринославе.

³ В 1926 году на Зарубежном съезде в Париже Марков отмечал: «Но может быть, правда, что, если бы Союз русского народа в свое время расправился с врагами, не было бы революции» [83, с. 622].

⁴ Имеется в виду священник В.К. Троепольский, настоятель храма Архангела Михаила в г. Алупке, активно выступивший в 1905 году с обличением революционного движения и вступавший в дебаты с революционерами на их собраниях. В декабре 1905 года был заколот кинжалами в своем доме на глазах жены и детей. Почитается как местнотимый святой УПЦ МП и РПЦЗ.

был представителем принудительной физической власти? Ведь Троепольский боролся с революцией только живым словом убеждения и проповеди» [8].

В.В. Шульгин, отвечая в Государственной думе на обвинения левыми и либеральной оппозицией правых в «белом терроре», заявлял: «...Здесь уже давно обвиняют Союз русского народа в том, что он организовал убийство Герценштейна и Иоллоса. <...> ... Пусть это так... Но я спрашиваю вас, господа, <...> кто имеет право – <...> право своей совести поднять это дело? Я думаю, что имеют это право те, в чьей душе не встают кровавые воспоминания, те, над изголовьем которых по ночам не склоняются привидения тысячи убитых; я думаю, что имеют право это те, кто боролся по мере своих сил и возможностей против браунинга и бомб. Но те, кто играл в этом крайне двусмысленную роль, я полагаю, последними должны были заговорить об этом...» [24, стб. 2232–2233]. Возвращаясь к этой теме уже в эмиграции, Шульгин писал: «...об этих двух евреях [Герценштейне и Иоллосе – А.И.] российская печать кричала куда больше, чем о сотнях и тысячах в эту же эпоху убитых русских» [112, с. 235]. Про двойные стандарты в отношении террора говорил и мирнообновленец философ Е.Н. Трубецкой, писавший в 1906 году, что «из числа лиц, выражавших негодование и ужас по поводу убийства М.Я. Герценштейна, многие негодуют только потому, что убийство совершено справа; убийство *слева* встретило бы со стороны тех же лиц оправдание и даже сочувствие» [15].

Представители правого лагеря также обвиняли кадетов в том, что они занимаются политическими спекуляциями на убийстве Герценштейна. «Партия г. Родичева, – писал А.С. Суворин, – это убийство не переставала брать своим лозунгом, выигрышным призом для выборов в Г. Думу и для обвинения правительства и всех так называемых черносотенцев. Целые миллионы их виновны в этом убийстве. Вся так называемая “монархическая партия” называется “Речью” – “шайкой убийц” и А.И. Гучкову посылается упрек в сочувствии этой партии. <...> В монархической партии есть несомненно “пламенные патриоты”, искренние люди, но в каждой семье не без уродца. <...> После убийства Герценштейна я говорил, что нечего удивляться, если убийство станет орудием не одной революционной партии. Стоит только признать политическое убийство – я против него всегда ратовал, как против всякого убийства, – то признавайте его одинаково за всеми партиями, не проливайте крокодиловых слез и не цепляйтесь за единственное убийство, которое якобы совершено людьми правой партии и не называйте ее “шайкой убийц”!». Напоминая, что кадеты не осудили революционный террор, но ответили взрывом негодования на террор справа, Суворин заключал: «...Партия, одобряющая убийства, может дожидаться, что и на нее пойдут с мечом» [101, с. 612–613].

Учитывая, что жертвами террористов справа стали не вожди левого радикализма, а легальные политики из оппозиционного лагеря, неизбежно возникает вопрос, почему покушения были совершены именно на них. Видимо, прав был Изгоев, предполагавший, что те, кто решил объявить охоту на кадетов и трудовиков, исходили из установки, что левые боевики – это лишь «пушечное мясо» революции, в то время как руководят ею евреи, масоны и либералы, борьба с которыми законными методами безрезультатна. Следовательно, для того чтобы обезглавить революцию, необходимо истребить ее реальных вожakov. Также расчет был и на то, что громкая ликвидация видных либеральных деятелей напугает общество, которое увидит в этих терактах симметричный ответ на насилия левых террористов и лишит последних общественной поддержки уже хотя бы потому, что их действия будут ставить под удар видных легальных деятелей оппозиции – «кадетов» и «жидов» [38, с. 176–177].

Если такой план действительно существовал, то совершенные покушения должны были стать началом целой серии терактов против вождей «освободительного движения». Однако, полагал Изгоев, из-за крайне дилетантской организации первых

покушений, затея эта с треском провалилась. В итоге убийства Герценштейна, Иоллоса и Караваева стали казаться нелепыми, случайными и совершенно бесполезными, а репутации СРН, многие члены которого были совершенно не в курсе подготовки террористических акций и не одобряли подобных методов борьбы, нанесен непоправимый ущерб. Вопрос о том, кто был автором этого иезуитского плана – сотрудники Департамента полиции или же отдельные вожди СРН, так и остается открытым. Что же касается причастности ко всем этим темным делам лично Дубровина, в чем его неустанно обвиняла оппозиция, то фактов, доказывающих эти обвинения, не найдено до сих пор. Царского суда Дубровин избежал, Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства так и не смогла доказать причастность бывшего лидера СРН к террору, а большевики, приговорившие его к расстрелу, поиском доказательств себя не утруждали, посчитав, что обвинение в организации «убийств, погромов, инсинуаций, подлогов» должно считаться доказанным уже потому, что «вся Россия знает» о деятельности СРН [79, с. 142].

В 1998 году Дубровин был реабилитирован Генеральной прокуратурой РФ в числе лиц, осужденных по решению внесудебных органов. Таким образом, можно говорить лишь о том, что Дубровина *подозревали* и *обвиняли* в организации правого террора, причем время появления этих обвинений (1909) совпало с действиями П.А. Столыпина по ослаблению правой оппозиции и его попытками отстранить Дубровина от активной политической деятельности. Так что вполне возможно, что к убийствам и покушениям, совершенным в 1907–1908 годах, Дубровин действительно отношения не имел, а замешанные в них союзники, указавшие на него в ходе следствия как на организатора преступлений, действовали по чьей-то указке. Отвечая на обвинения в организации политических убийств, Дубровин в 1920 году заявлял: «Будучи противником всяких насилий, я был далек от всяких посягательств на жизнь отдельных личностей, и причитывание моего имени к каким-либо убийствам есть недостойный прием опорочивания меня как политического противника. Я глубоко убежден, что нет нигде какого-либо достойного доверия доказательства моей причастности к убийствам. Голословность же меня не беспокоит. Оговоры были и будут всегда, когда также были и будут люди, которым ничего не стоит лжесвидетельствовать, [так] как они собственную вину стараются отвести на невинных и тем замести следы собственных преступлений...» [79, с. 106–107].

К правому террору нередко относят и сам факт существования черносотенных дружин, организованных при содействии властей для противодействия революции. Наличие боевых дружин у левых радикалов заставило правых обратить внимание на этот способ борьбы и приступить к формированию собственных вооруженных формирований. Первые монархические дружины организовывались стихийно непосредственно во время противостояния левым радикалам. Как отмечал Н.Е. Марков, оправдывая необходимость создания вооруженных формирований, «в то время была гражданская война <...> [и] война была почти односторонняя; революционеры били мирных граждан, а мирные граждане отвечали на револьверные выстрелы и бомбы камнями и палками» [24, стб. 2273]. По его словам, черносотенная дружина в Курске образовалась 20 октября 1905 года, когда никто еще не слышал про существование СРН и Дубровина. После того как революционные боевики обстреляли патриотическую манифестацию, убив 6 черносотенцев и еще нескольких ранив, монархисты сорганизовались в дружину, которая «камнями, палками и голыми руками» разгромила левых, избив некоторых из них «весьма серьезно» [24, стб. 2273–2274]. Трактую деятельность монархистов по формированию дружин как самооборону, Марков указывал своим противником из левого лагеря: «...Самозащита если и не разрешается, то все же не наказывается законом. Ведь в то время вы ничего не говорили, да и теперь я не слышу ваших протестов против еврейской самообороны. <...> Тогда все вооружались, тогда было время <...> [когда]

одна часть населения готовилась сразиться с другой <...> ибо правительство в то время перестало выполнять свои функции» [24, стб. 2275].

Точно также трактовал появление черносотенных дружин и архимандрит Андрей (Ухтомский). Откликаясь на появление дружин СРН в Киеве и Саратове, будущий архиерей называл это событие «утешительным явлением» и призывал русских людей следовать этому примеру для защиты «народного быта» от посягательств революционеров, предлагая создавать дружины народной охраны на базе церковных приходов [1].

В дальнейшем, когда были созданы монархические партии, дружины стали возникать под их сенью. Предполагалось, что черносотенные дружины будут действовать под контролем властей, оказывать содействие полиции и армии в деле наведения порядка, а также защищать представителей власти и массовые собрания монархистов от возможных актов «красного террора». Инициатором появления дружин при СРН сами союзники называли Дубровина [94, с. 39, 42]. Уже в январе 1906 года, в годовщину «Кровавого воскресенья», около 700 черносотенцев, прикомандированных к полицейским участкам, охраняли дворцы сановников и помогали обеспечивать правопорядок [69, с. 596–597], а в день открытия I Государственной думы вооруженные члены СРН патрулировали улицы вокруг Зимнего дворца [99, с. 238]. В 1906–1907 годах черносотенные дружины были созданы в ряде городов Российской империи, столичной дружиной руководил кандидат в члены Главного совета СРН Юскевич-Красковский, несколько дружин, созданных на базе местных монархических организаций, действовали в Москве. Скандальную славу снискала себе одесская дружина, бывшая, по мнению исследователей, самой многочисленной боевой организацией правых (по разным оценкам, от 200 до 500 чел.) и сумевшая взять под свой контроль город [99, с. 238–239]. В Ярославле патрули боевой дружины СРН фактически взяли на себя выполнение функций полиции, «пресекая любые проявления “вызывающего поведения” горожан» [80, с. 165]. Патрулирование улиц осуществлялось черносотенцами и в других городах – Москве, Костроме, Киеве, Одессе.

Помимо СРН свои дружины также имели «Общество активной борьбы с революцией и анархией», взаимодействовавшее с союзом, но являвшееся самостоятельной правой организацией, РМП, Русский народный союз имени Михаила Архангела (единственная дружина в Одессе).

Членами дружин становились не только городские обыватели, ремесленники и мелкие торговцы, но также студенты и гимназисты, придерживавшиеся монархических взглядов, хотя местами в ряды этих организаций вливались уголовные элементы, перебежчики из левых боевых дружин, деклассированные элементы. Вооружались дружинники палками, ножами и револьверами, крайне редко винтовками. Огнестрельным оружием в большинстве случаев их снабжали представители власти.

В столице империи СРН пользовался деятельной поддержкой В.Ф. фон дер Лауница. «Едва ли не по его инициативе, во всяком случае, при его активной поддержке, при СРН была создана особая боевая дружина, во главе которой стоял Юскевич-Красковский, – вспоминал А.В. Герасимов. – Всем членам этой дружины было от Лауница выдано оружие» [14, с. 150]. По свидетельству Дубровина, данному во время следствия над ним в 1920 году, о выдаче союзникам оружия договорились с градоначальником Пуришкевич и Булацель [79, с. 121–122].

Боевые дружины черносотенцев, несомненно, оказали большую услугу самодержавию. Они активно содействовали жандармам и полиции, водворяли порядок там, где полицейских сил был недостаточно, участвовали в стычках с революционными боевыми дружинами (при этом правые дружинники нередко погибали в этих столкновениях). В ряде городов черносотенные дружины сыграли важную роль в очищении улиц от революционных и оппозиционных митингов и демонстраций, а также от левых боевых дружин, пытавшихся

взять на себя функции городской милиции. По оценке самих правых, главной заслугой деятельности их дружин стало то, что с улиц исчезли «краснокожие хулиганы», «лощенные марсельезники» и городские обыватели перестали бояться выходить из дома [80, с. 166]. Лидеры правых сравнивали свои вооруженные формирования с народным ополчением Смутного времени – отрядами Минина, Пожарского и Ляпунова, отмечая, что это «тоже были боевые дружины союза русского народа» (Н.Е. Марков) [24, стб. 2277].

Естественно, что совершенно иначе на деятельность черносотенных дружин смотрели левые. Американский социалист У. Уоллинг, живший в России в 1906–1908 годах в целях изучения революционного опыта, рассуждая о черносотенном терроре, не жалел красок: «Началось вооружение подонков общества и непрерывное избиение и убийства, с ведома и при содействии полиции, всех “неблагонадежных”. <...> [Правительство] предпочитает черносотенный террор, полуофициальное умерщвление своих врагов на улице. <...> Внутренний враг <...> отдан на произвол полиции и тех добровольцев, которых она может на вербовать из среды самых низших подонков общества» [105, с. 59–61]. Меншевик Е.П. Гегечкори называл СРН «преступной бандой», в том же духе высказывался о деятельности правых в годы революции 1905 года и лидер кадетов Милюков [24, стб. 2251].

Конечно, правые дружинники далеко не всегда оставались в рамках закона. Пользуясь правом устраивать обыски, петербургские дружинники оказались замешаны в скандале с пропажей у обыскиваемых ценных вещей [14, с. 151]. Членов боевых организаций обвиняли в провокациях, незаконном задержании заподозренных ими в сочувствии революции людей, вымогательстве, самовольных расправах (избиениях, порках) и использовании своих полномочий для сведения личных счетов, хулиганстве [69, с. 602, 608–609, 612]. В ходе силовых акций и потасовок с левыми черносотенные дружинники неизбежно прибегали к насилию, в результате которого бывали и человеческие жертвы. Как справедливо отмечает М.Л. Размолодин, «заинтересованное отношение губернской администрации и полиции в пресечении революционных проявлений развязывало дружинникам руки. Не имея возможности держать население в страхе силами военно-полицейского аппарата, будучи вынуждены лавировать среди различных социальных групп, власти благосклонно пользовались услугами СРН» [80, с. 165–166].

При этом важно понимать, что черносотенный террор был реакцией на террор левый. И лидеры левых, осуждая *террор правых*, в то же время призывали к *террору против правых*. Даже Г.В. Плеханов, разошедшийся в свое время с террористами-народовольцами, писал о том, что по отношению к вождям черной сотни «мы можем признавать только один прием: террор», и призывал революционеров вооружаться для борьбы с черносотенцами револьверами и кинжалами, замечая: «...революционеры семидесятых годов были большими мастерами в этом отношении, и нашим товарищам еще очень далеко до них» [6, с. 315–316]. О том же писал и лидер большевиков Ленин, призывавший социал-демократов выступать вооруженной силой, «избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т.д. и т.д.» [48, с. 343].

Увидев в монархических союзах силу, способную мобилизовать народные массы, левые радикалы объявили против них террористическую войну. Вожди черной сотни регулярно получали угрозы, на некоторых из них были совершены покушения, десятки руководителей местных отделов СРН и активистов союза были убиты [86, 87], жертвами левых терактов становились многие рядовые участники черносотенного движения, обычным делом были обстрелы черносотенных дружинников и нападение на них отрядов революционных боевиков [97, с. 415–416; 69, с. 603–613]. «...Ходят слухи, – писал Л.А. Тихомиров в дневнике в апреле 1907 года, – что революционеры готовят резню монархистов, и этот слух отовсюду. Как известно, несколько человек из Союза русского народа уже и застрелены за последние недели» [31, с. 341]. «В целом ряде телеграмм и в различных газетах, –

писал в 1908 году октябристский “Голос Москвы”, – за последнее время сообщалось и сообщается об убийствах членов Союза русского народа и даже их семей <...> но кто из негодующих по поводу убийства трудовика Караваева высказал свое осуждение убийцам из левого лагеря? Никто!..» [19].

Резонансным событием стал устроенный большевиками взрыв в январе 1906 года черносотенной харчевни «Тверь» в Петербурге, в результате которого двое правых рабочих погибли и одиннадцать человек получили серьезные ранения. Этот теракт Ленин с одобрением называл «партизанским выступлением питерских рабочих» [50а, с. 393]. Конкурируя с черносотенцами за влияние на петербургский пролетариат, социал-демократические боевые дружины развернули террор против правых рабочих. Иногда левые обманном путем проникали в черносотенные дружины, чтобы узнавать планы своих противников, а при случае и обезвредить их. Член петербургской боевой дружины Г.С. Ларичкин свидетельствовал, что «когда забастовка кончилась и в феврале 1906 года приступили к работам на заводах, то проникавшие в нашу дружину левые стали отбирать у некоторых из нас револьверы и значки; револьверы оставляли себе, значки мяли на наковальнях, а нашего брата колотили, обливали суриком, а по вечерам некоторые из союзников подвергались нападениям со стороны левых, оканчивавшиеся иногда убийствами наших союзников» [56, л. 21 об.]. Узнав после совершенных левыми террористами убийств нескольких черносотенных дружинников, что предателем является член СРН А. Мухин, на самом деле придерживавшийся социал-демократических взглядов, Ларичкин застрелил его.

Заступаясь за черносотенцев, участвовавших в боевых дружинах в дни революции, Н.Е. Марков не без сарказма говорил с думской трибуны: «Я прошу вас помиловать черносотенцев, которые, не желая того, чтобы их резали как баранов, вооружались. <...> Союз виноват в вооружении беззащитных рабочих Путиловского и других заводов, которых ежедневно десятками расстреливали “товарищи”. Черносотенцев в то время топили, вешали, расстреливали, в них бросали бомбы, и вот они, обуреваемые желанием спасти свою жизнь, возымели намерение объединиться, вступили в члены Союза русского народа, и Союз русского народа преступно содействовал им в приобретении револьверов. Быть может, Союз русского народа поступал преступно, быть может, он не должен был этого делать, быть может, он должен был выдать списки союзников революционным товарищам, и те бы живо уничтожили эти “гнусные банды союзников”» [24, стб. 2274–2276].

И эти слова не были сильным преувеличением. В некоторых регионах, где правые не смогли создать боевые дружины, им приходилось отказываться от борьбы и скрываться от разгула левого террора. Так, например, боевик РСДРП И.М. Мызгин хвастался, что «уфимские “истинно русские люди”, после того, как наши боевики пристрелили одного из их главарей, форменным образом ушли в подполье, – перестали носить значки, собрания стали проводить тайком...» [62, с. 137].

Признавая явные «перегибы» в деятельности черносотенных дружин и виновность отдельных деятелей черной сотни в политических убийствах, вместе с тем необходимо учитывать, что в отличие от аналогичных дружин левых радикалов (бундовцев, эсеров, анархистов и т.д.) в годы Первой российской революции черносотенцы в большинстве случаев действовали легально, с санкции властей, которые их вооружали и осуществляли контроль над ними (хотя часто и недостаточный). То есть изначально они создавались не для террористической или погромной деятельности, а для защиты правопорядка и помощи полицейским властям в условиях революционной ситуации. Это обстоятельство, конечно, не означает, что добровольные помощники власти всегда действовали в рамках закона, но неорганизованными бандами они тоже не были. В условиях экстремальной ситуации и свойственной ей радикализации общества (вплоть до эксцессов крайне острого гражданского противостояния – вооруженных столкновений, терактов, погромов), в 1905–1907 годах черносотенные

дружинники нередко превышали свои полномочия, а иногда и вовсе выходили из подчинения властям, однако преступления, совершенные ими, все же правильнее рассматривать как эксцессы, а не как целенаправленную террористическую политику правых.

С подавлением революции и победой над левым террором правые партии отказались от насильственной тактики борьбы, и к 1908 году большинство черносотенных дружин было распущено. Как отмечалось в одном из обращений СРН 1909 года, «теперь, когда власть в России окрепла, когда проявления революции прекратились, когда у нас власть находится в твердых руках, мы, члены СРН, в лице его совета, глубоко порицаем всех тех, кто позволяет себе какие-либо насилия, где бы они ни были, против кого бы то ни были направлены» [80, с. 167].

Создание вооруженных дружин в 1907 году было прямо запрещено председателем Совета министров и министром внутренних дел П.А. Столыпиным, и к 1908 году в тех местах, где они еще оставались, их упраздняли при содействии губернских жандармских управлений [3, с. 132–133]. Необходимые правительству в момент активной борьбы с революцией, боевые организации правых стали более не нужны, так как раздражали общество, мешали установлению привычного правопорядка и компрометировали власть.

Правые партии подчинились этому решению и, защищая своих единомышленников, которые в 1905–1907 годах боролись с революцией с оружием в руках, признавали, что после подавления крамолы и восстановления полноты правительственной власти такие крайние меры более не должны применяться. Но как под аплодисменты правых заявил в одном из думских выступлений Н.Е. Марков, если «господам, сидящим на левых скамьях, удастся повторить революцию, заверяю вас честным словом, что не только буду вооружать всех верных отечеству, не только буду вооружаться сам, но буду стрелять в ваши революционные головы до тех пор, пока хватит последней капли крови, и не буду считать себя преступником <...> ибо в таких случаях всякий гражданин должен защищать свое отечество и свое государство всеми зависящими от него средствами» [24, стб. 2277].

В завершение обзора столь острой темы как черносотенный террор, несколько не оправдывая политических убийств, избиений и покушений, совершенных в годы революции 1905–1907 годов правыми дружинниками в отношении своих политических противников, отметим следующие моменты. Во-первых, до сегодняшнего дня среди историков продолжается полемика относительно того, кем именно были инициированы данные преступления – вождями черной сотни, Департаментом полиции или руководителями правых боевых дружин. Во-вторых, эти преступления если и могут быть отнесены к террору, то никак не могут быть сопоставлены по своему масштабу с террористической деятельностью левых, число жертв которых в разы превосходит количество пострадавших от правых радикалов. И, в-третьих, говоря об отдельных террористических актах правых, нельзя забывать о многочисленных терактах, совершенных против правых, жертвами которых стали многие черносотенцы. И если левые радикалы своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре практически всегда отмежевывались, осуждали его и объясняли участие отдельных своих членов в политических убийствах их личными низкими моральными качествами. Последнее замечание, конечно, не свидетельствует о том, что среди вождей правого движения не было людей, способных на политические убийства (участие В.М. Пуришкевича в убийстве Г.Е. Распутина в 1916 году и его попытка в годы Гражданской войны организовать убийство М.М. Винавера говорят об обратном [108, с. 152–153]), но показывает принципиально разное отношение к террору в правом и левом лагере.

Литература

1. *Андрей (Ухтомский), архим.* Приходская оборона // Казанский телеграф. 1906. 3 сентября.
2. *Андроник (Никольский).* Беседы о «Союзе русского народа» / Священномученик Андроник (Никольский; 1870–1918), архиепископ Пермский // Творения. Кн. 1: Статьи и заметки. Тверь: Булат, 2004. С. 376–399.
3. *Богомолов А.И.* Уральские рабочие-монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 251 с.
4. *Богоявленский Д.Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 242 с.
5. *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005. 547 с.
6. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000. 449 с.
7. *Булацель П.Ф.* Борьба за правду / сост., предисл., коммент. Д.И. Стогова. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 704 с.
8. *Булацель П.Ф.* Гессенская правда // Русское знамя. 1906. 14 сентября.
9. *Вашков Е.И.* Черные патриоты. М.: Демократ, 1906. 16 с.
10. Вече. 1906. 27 июля.
11. Вече. 1907. 1 февраля.
12. *Витухновская-Кауппала М.А.* Финский суд vs «черная сотня»: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 220 с.
13. *Владимирович В.* К убийству жида Иоллоса // Вече. 1907. 18 марта.
14. *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. Париж: YMKA-Press, 1985. 207 с.
15. *Гессен В.* Об убийствах справа и слева // Речь. 1906. 10 августа.
16. *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Л.: [б. и.], 1927. Т. 2. 234 с.
17. *Глинка С.* Спекуляция погромами // Земщина. 1913. 27 октября.
18. Голос Москвы. 1908. 20 марта.
19. Голос Москвы. 1908. 8 марта.
20. Голос Москвы. 1909. 19 августа.
21. Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия 1. Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1906. 866 с.
22. Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Ч. 2. СПб.: Государственная типография, 1911. 3722 стб.
23. Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Ч. 3. СПб.: Государственная типография, 1910. 3244 стб.
24. Государственная дума: Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. 4. СПб.: Государственная типография, 1909. 3477 стб.
25. *Грингмут В.А.* Крестьяне и Монархическая партия // Собр. статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. 4. М.: Русская печатня, 1910. С. 164–167.
26. *Грингмут В.А.* Кто устраивает погромы и забастовки? // Собр. статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. 4. М.: Русская печатня, 1910. С. 155–160.
27. *Грингмут В.А.* От Совета Всенародного русского союза // Собр. статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. 4. М.: Русская печатня, 1910. С. 143–146.
28. *Грингмут В.А.* Полторацка лет «Московских ведомостей» // Собр. статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. 4. М.: Русская печатня, 1910. С. 113–115.
29. *Грингмут В.А.* Что доказывает нижегородский погром? // Собр. статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып. 3. М.: Русская печатня, 1910. С. 236–240.
30. *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 808 с.
31. Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 / сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М.: РОССПЭН, 2015. 597 с.
32. *Иванишкина Ю.В.* Е.К. Брешко-Брешковская: общественно-политические взгляды и деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 288 с.
33. *Иванов А.А.* Виттова пляска // Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 101–102.
34. Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 2. 646 с.
35. Известия. 1926. 20 марта.
36. Известия. 1926. 21 марта.
37. Известия. 1926. 25 марта.
38. *Изгоев А.С.* «Правые террористы» // Русская мысль. 1909. № 10. С. 172–181.
39. *Изгоев А.С.* «Каморра народной расправы»: Двадцатилетие со дня убийства М.Я. Герценштейна // Сегодня. 1926. 31 июля.
40. *Карлухин Д.В.* «Черная сотня»: вехи осмысления в России. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 387 с.
41. *Катков М.Н.* Социалистическая агитация как главная причина внезапно возбужденной ненависти к евреям. Необходимость основательного пересмотра нашего законодательства относительно евреев // Московские ведомости. 1882. 22 апреля.
42. *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 461 с.
43. *Кожин В.В.* «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М.: [б. и.], 1998. 228 с.

44. *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 486 с.
45. *Кузнецов Г.Р.* Союз русского народа и «погромная тревога» 1906–1907 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 65–75.
46. *Лакер У.* Россия и Германия: Наставники Гитлера. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с.
47. *Левцкий В.* Правые партии // Общественное движение в России в начале XX-го века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. Т. 3. С. 347–469.
48. *Ленин В.И.* Задачи отрядов революционной армии / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 11. М.: Изд-во политической литературы, 1960. С. 339–343.
49. *Ленин В.И.* Приближение развязки / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 73–80.
50. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 13. М.: Изд-во политической литературы, 1972. С. 1–66; 189–193.
- 50а. *Ленин В.И.* О партизанском выступлении ППС / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 13. М.: Изд-во политической литературы, 1972. С. 393.
51. *Липранди А.П.* Равноправие и еврейский вопрос // Мирный труд. 1910. № 10. С. 30–80.
52. *Львов Л.* [Клячко Л.М.] Семь лет назад. (Покушения на жизнь гр. Витте) // Русская мысль. 1914. № 2. С. 48–84.
53. *Маевский Е.* Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX-го века. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. Т. 2. Вып. 1. С. 34–184.
54. *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М.Б. Смолин. М.: Москва, 2002. 528 с.
55. *Маршалова И.К.* Черносотенное движение в России: причины и последствия // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность. Ульяновск, 2005. Ч. 2. С. 179–185.
56. Материалы об убийстве рабочего Мухина членами боевой дружины «Союза русского народа»; сведения о забастовках рабочих предприятий Невской заставы // ЦГИА СПб. ф. 520. Оп. 1. Д. 296.
57. *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 528 с.
58. *Милюков П.Н.* Вторая Дума. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. 302 с.
59. *Милюков П.Н.* Памяти М.Я. Герценштейна // Былое. 1907. № 2. С. 37–42.
60. «Монархисты представляли меньшинство, расколовшееся на группы»: Воспоминания деятеля правого движения в России XX в. Ю.С. Карцова / публ. А.А. Иванов, Д.Д. Бояговленский // Исторический архив. 2015. № 1. С. 145–158.
61. *Москвич.* Что такое законный террор? // Московские ведомости. 1905. 10 июля.
62. *Мызгин И.М.* Ни Бог, ни царь и не герой: Воспоминания уральского подпольщика. М.: Молодая гвардия, 1959. 332 с.
63. Национальная правая прежде и теперь: Историко-социологические очерки. Ч. 1. Россия и русское зарубежье. СПб.: [б. и.], 1992. 171 с.
64. Николай II: Материалы для характеристики личности и царствования. М.: Голос минувшего, 1917. 255 с.
65. Новое время. 1907. 16 марта.
66. *Обнинский В.П.* Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II-го. Berlin: Eberhard Frowein Verlag, [1912]. 561 с.
67. Объединение. 1906. 10 октября.
68. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Белград: Общество распространения русской национальной и патриотической литературы, 1939. Т. 1. 389 с.
69. *Омельячук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
70. Ответное письмо архиепископа Антония Н.А. Бердяеву о «Вехах» // Волыньские епархиальные ведомости. 1909. № 37. С. 765–772.
71. *Павлов Д.Б.* Террор на службе революции // Историк. 2015. № 1. С. 22–25.
72. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П.Е. Щеголева. Т. 6. М.; Л.: Госиздат, 1926. 416 с.
73. Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) / публ. М. Покровский // Красный архив. 1927. Т. 22. С. 153–209.
74. [Плеханов Г.В.] Белый террор // Искра. 1903. 15 сентября.
75. Правда. 1926. 21 марта.
76. Правда. 1926. 26 марта.
77. Правда. 1926. 27 марта.
78. Правые партии. 1905–1917 гг.: Документы и материалы: в 2 т. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 720 с.
79. Приговоренный к расстрелу дважды (коммунист-монархист Александр Иванович Дубровин) / публ. В.Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / под ред. Д.Б. Павлова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 84–143.
80. *Размолodin М.Л.* Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Б. м.]: Издательские решения, 2020. 352 с.
81. *Размолodin М.Л.* К вопросу об участии черной сотни в еврейских погромах в России в октябре 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 86–87.
82. Речь. 1906. 20 декабря.
83. Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы / сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. М.: Русский путь, 2006. 848 с.

84. *Ростов Н.М.* Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М.: Атеист, [1930]. 155 с.
85. Русское знамя. 1907. 10 февраля.
86. Русское знамя. 1907. 13 июля.
87. Русское знамя. 1907. 26 октября.
88. Русское знамя. 1907. 31 января.
89. Русское знамя. 1909. 12 июня.
90. Русское слово. 1907. 16 апреля.
91. *Сергеевский Н.Д.* Русский дух. Харьков: Тип. журн. «Мирный труд», 1907. 27 с.
92. Слово о. Иоанна Кронштадтского: Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в г. Кишиневе. С прибавлением слова епископа Антония о кишиневских событиях. Одесса: Д. Сегон, 1903. 12 с.
93. *Смирнов А.* О черносотенном движении // Речь. 1906. 1 апреля.
94. Союз русского народа: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / сост. А. Черновский, ред. и вступ. ст. В.П. Викторова. М.: Госиздат, 1929. 444 с.
95. Список политических партий и организаций в России // Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2640.
96. *Степанов А.Д.* Каморра народной расправы // Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 238–239.
97. *Степанов А.Д.* Правый террор и террор против правых // Черная сотня: Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 414–417.
98. Степанов А.Д. Русский Гарибальди: Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия: Жизнеописание русских монархистов начала XX века / сост. А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское Дело, 2015. С. 56–92.
99. *Степанов С.А.* Черная сотня: Что они сделали для величия России? М.: Яуза-Пресс, 2013. 672 с.
100. *Стогов Д.И.* Предисловие // *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу / сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 5–46.
101. *Суворин А.С.* Русско-японская война и русская революция: Маленькие письма (1904–1908). М.: Алгоритм, 2005. 752 с.
102. *Тагер А.С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М.: Терра; Книжная лавка РТР, 1996. 336 с.
103. *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. 328 с.
104. Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М.: Книжица, Русский путь, 2010. 472 с.
105. *Уоллинг В.Е.* Послание России (Истинное значение русской революции). Berlin: E. Frowein, 1910. 407 с.
106. *Федоров В.А.* История России 1861–1917 гг. 5-е изд., испр. М.: Юрайт, 2020. 392 с.
107. *Фирсов С.Л.* К.П. Победоносцев и «еврейский вопрос» в России: К постановке проблемы // *Studia Culturae*. 2015. № 23. С. 110–132.
108. *Чемакин А.А.* «Анонимный центр»: Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). М.: Кучково поле; Музеон, 2020. 640 с.
109. Черная сотня // Энциклопедический словарь. Т. 2 доп. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Тип. акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1907. С. 869.
110. *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. 150 с.
111. *Шукина Т.А.* «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 210 с.
112. *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...»: об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992. 287 с.
113. *Ю.Г. [Гессен Ю.И.]* Погромы в России // Еврейская энциклопедия. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. Т. 12. С. 611–618.
114. *Юзефович Б.* К русскому правительству // Русское знамя. 1909. 19 июня.
115. *Юзефович Б.* Кто виновник погромов? // Московские ведомости. 1905. 28 ноября.

Аннотация. В статье подробно рассматривается проблема черносотенного террора в годы Первой российской революции (1905–1907). Внимание уделено отношению правых партий и союзов к насилию, еврейским погромам, созданию боевых дружин и политическим убийствам. Показана разница в отношении к насильственным методам борьбы между правыми монархистами и левыми радикалами; обращено внимание на практику двойных стандартов, широко использовавшуюся в отношении правых революционными и оппозиционными публицистами. Подчеркивается, что проблема насилия справа не может рассматриваться в отрыве от массового насилия слева, учета общей политической ситуации и радикализации общества в целом. Показано, что, несмотря на сочувствие некоторых черносотенных политиков погромам и правому террору, а также причастность отдельных черносотенцев к политическим убийствам и другим актам насилия, лидеры монархических партий и союзов никогда не провозглашали террор методом своей борьбы и публично осуждали его. В то же время вооруженное противостояние левым радикалам в период разгара революции рассматривалось вождями черной сотни как содействие законной власти и выполнение верноподданнического долга по защите монархической государственности.

Ключевые слова: Российская империя, черная сотня, черносотенцы, правые партии, монархисты, Союз русского народа, «Каморра народной расправы», революция 1905 года, погромы, антисемитизм, террор.

Andrey A. Ivanov, Doctor of History, Professor, Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Black-Hundred Counter-Revolution: Political Violence, Pogroms, Terror and Responsibility of Russian Royalist Parties for Those Actions*

Abstract. In the article the author addresses in more detail the problem of the Black-Hundred terror during the First Russian Revolution (1905–1907). Most of the focus is on the attitude of right-wing parties and unions towards violence, Jew bashing, armed detachments forming and political killings. The article illustrates different attitude of right royalists and extreme left-wingers towards strong-arm methods of struggle and draws attention to the policy of double standards, which was widely used in respect of right-wingers by revolutionary and opposition journalists. The author emphasizes that the problem of violence by the right-wingers cannot be viewed separately from similar problem with the left-wingers, and considering the general political situation and radicalization of the society as a whole. It is shown that in spite of the sympathy of some Black-Hundred politicians for pogroms and right terror as well as involvement of some members of the Black Hundred with political killings and other acts of violence, the leaders of royalist parties and unions never proclaimed terror as the method of their struggle and publicly condemned it. At the same time, armed resistance to extreme left-wingers at the height of revolution was regarded by the Black-Hundred leaders as assistance to the legal authorities and fulfillment of loyalist duty to protect the monarchist statehood.

Keywords: Russian Empire, Black Hundred, Black Hundred Members, Right-wing Parties, Royalists, Union of the Russian People, Camorra of People's Retribution, Revolution of 1905, pogroms, Anti-Semitism, Terror.

*The study was prepared with financial support of RFBR, project number 20-09-00105.

